

**«Из разговоров с Владимиром Александровичем Костицыным»:
страничка из дневника академика В.И. Вернадского 1923 года**

Публикация и примечания М.Ю. Сорокиной

Как общались и о чем говорили приезжавшие «оттуда», из недавно образованного СССР, с соотечественниками – беженцами и эмигрантами «первой» и последующих волн, один из самых интригующих вопросов эмигрантики, почти не затрагивается в современной российской историографии. Дневники Владимира Ивановича Вернадского (1863—1945), одного из самых «выездных» советских академиков, которые многократно публиковались в извлечениях и полностью в последние десятилетия, содержат немало интереснейших сведений об этом. Их значение тем выше для истории отечественной науки, что в тяжелые переходные для российской научной интеллигенции годы не так-то много ученых вообще вели дневники, еще меньше имели возможность вести их за границей. Однако до сих пор не все дневниковые записи академика В.И. Вернадского выявлены в российских и зарубежных архивах.

Само понятие «дневник» применительно к текстам В.И. Вернадского требует серьезного осмысления. В его личных фондах, хранящихся в России (г. Москва; Архив РАН и Государственный архив Российской Федерации); на Украине (г. Киев; Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского Национальной Академии наук Украины) и в США (г. Нью-Йорк; Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета), есть несколько категорий документов, претендующих на эту дефиницию. Во-первых, собственно дневники, традиционно понимаемые как подневные записи различного характера; обычно они велись ученым в тетрадах или блокнотах. Во-вторых, записи чисто научного характера, разбросанные по отдельным листам. В отличие от обычных выписок или заготовок к исследовательским работам они датированы и могут быть

условно названы «полевыми» дневниками. И, наконец, многочисленные смешанные мемуарно-дневниковые записи, сопровождающие как дневники первого типа, так и «Хронологию» В.И. Вернадского — подготовительные материалы к оставшейся не осуществленной книге его воспоминаний «Пережитое и передуманное», нечто вроде автокомментария жизненного пути. Последние две категории записей еще ждут полного выявления и систематизации.

Кроме того, в Бахметевском архиве Колумбийского университета (США) в личном фонде Г.В. Вернадского сохранилось несколько сотен писем В.И. Вернадского сыну и дочери¹ за советский период, которые академик писал дважды в неделю из СССР и во время своих многочисленных зарубежных поездок. В этих письмах, получивших в историографии название «вольных» и по сути являющихся параллельными дневниками, он высказывался по всем вопросам современной ему жизни СССР значительно более свободно и откровенно, чем в письмах из СССР. В то же время среди документов В.И. Вернадского в Бахметевском архиве встречаются и дневниковые записи на отдельных листах, одна из которых — «из разговоров с В.А. Костицыным» — публикуется ниже.

Судьба математика, астрофизика, эколога Владимира Александровича Костицына (1883—1963) отличалась такой насыщенностью событиями, которая достойна самого высокого романа². Уроженец Тульской губернии, выходец из провинциальной культурной семьи — его отец, преподаватель истории в гимназии, был председателем комиссии по управлению историко-археологическим музеем Смоленска, социал-демократ, организатор боевых партийных дружин, Костицын близко общался с В.И. Лениным в период Первой русской революции 1905 года в Москве, но отказался войти в ЦК партии большевиков. После ареста в 1907 г. и пребывания почти 17 месяцев

¹ Частично опубликованы, см.: Письма сыну и дочери / Публ. подг. Д.Холлоуэй, В.Я.Френкель, И.И.Мочалов // Вестник РАН. 1990. № 12. С. 123-133; «Я сделал все, что мог...» / Публ. И.И.Мочалова, В.Я.Френкеля и Д.Холлоуэя // Вопросы истории естествознания и техник. 1994. № 1. С. 105-113; «Я смотрю в будущее по-прежнему оптимистично...» / Публ. И.И.Мочалова, В.Я.Френкеля и Д.Холлоуэя // Вопросы истории естествознания и техник. 1993. № 4. С. 56-66; 1994. № 2. С. 98-106; Сорокина М.Ю. Week-end в Болшево, или еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 23. СПб., 1998. С. 295-344; «За СССР выявляется лик пострадавшей России»: Письма В.И.Вернадского детям / Публ. и прим. М.Ю. Сорокиной // Природа. 2004. № 1. С. 64-80.

² О нем см.: Сидоров Н.А. Незнакомый Костицын // Природа. 2001. № 4. С. 70—74; Бялко А.В. Нерукотворный памятник Костицыну // Там же. № 5. С. 78—79; Генис В.Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920—1933). Кн. 1. М., 2009; Автобиография профессора В.А. Костицына // Публ. В.Л. Гениса // Вопросы истории. 2010. № 11; 2011. № 4; Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 6: Естественные науки. XIX — первая половина XX в. М., 2011. С. 179—180; Российское научное зарубежье: биобиблиографический справочник / Сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011. С. 357.

в знаменитой петербургской тюрьме «Кресты» он был исключен из Московского университета, где учился на физико-математическом факультете, вскоре эмигрировал (1909) и завершал высшее образование уже в университетах Вены и Парижа. В Россию В.А. Костицын вернулся только в 1916 г. и после Февральской революции 1917 г. был сразу призван новой властью на службу, занимая весьма ответственные военно-политические должности, вплоть до комиссара Временного правительства на Западном фронте. При большевиках он получил уже высокие государственные посты от науки — член коллегии возглавлявшегося Н.П. Горбуновым Научно-технического отдела ВСНХ, член Государственного ученого совета, заведующий научным отделом Главнауки Наркомата просвещения РСФСР (с 1927). В эти первые постреволюционные годы Костицын преподавал на физико-математическом факультете Московского университета и вместе со В.В. Стратоновым стал организатором Российского астрофизического института и заведующим его теоретическим отделом.

Казалось, имевшему репутацию «левого» профессора и авторитет в узком кругу большевистских вождей Костицыну были обеспечены вполне благополучная жизнь и карьера. Однако, возможно, именно хорошее знание потаенных механизмов российской партийной жизни подсказало ему о приближающейся опасности, и выехав в 1927 г. в служебную командировку во Францию, Костицын уже не вернулся в СССР и стал одним из первых советских научных «невозвращенцев». Его научная карьера во Франции сложилась довольно удачно — он опубликовал здесь по-французски около двух десятков научных работ, в том числе монографии «Симбиоз, паразитизм и эволюция» (1934), «Эволюция атмосферы, биосферы и климата» (1935), «Математическая биология» (1937). Кроме того, в эмиграции Костицын вел дневник, позднее переросший в воспоминания, — 33 толстых общих тетради после кончины ученого оказались в Москве, в спецхране Центрального партийного архива (ныне — Российский государственный архив социально-политической истории) и недавно частично опубликованы¹.

Архивное наследие Костицына после его кончины было передано в Москву согласно последней воле ученого. Еще 22 декабря 1940 г. он отправил сюда из оккупированного нацистами Парижа письмо вице-президенту АН СССР Отто Юльевичу

¹ «Говорить мне не с кем»: Из воспоминаний В.А. Костицына // Природа. 2001. № 4. С. 75—80; № 5. С. 69—77.

Шмидту (1891—1956), которого когда-то лично ввел в круг московских математиков, с просьбой о содействии в возвращении на родину. Считается, что установки — «разрешить или отказать» — всегда предписывались с самого «верха». Однако резолюция: «Автор письма, проф. Костицын, в свое время обманул Советскую власть и, воспользовавшись командировкой, сбежал. Не вижу в нем надобности для СССР. Оставить письмо без ответа. О. Шмидт 27 января 1941»¹ показывает, что важнейшее значение для судеб многих ученых имела в те годы позиция элиты самого научного сообщества, выполнявшей функции «министерства науки».

В день нападения гитлеровской Германии на СССР, 22 июня 1941 г., вместе с другими русскими парижанами В.А. Костицын был арестован оккупационной властью и заключен фашистами в Компьенский концлагерь². После освобождения он активный участник французского Сопротивления, а после окончания Второй мировой войны, как и многие его соотечественники, подал заявление о получении советского гражданства и на этот раз стал обладателем советского паспорта, однако на родину так и не вернулся.

«Старый большевистский эмигрант» Костицын и «новый невозвращенец» Вернадский встретились в сентябре 1923 г. в Париже, когда Костицын еще не собирался покидать Россию, а Вернадский, приехавший в Европу летом 1922 г. по научной командировке от Российской академии наук (РАН), напротив, размышлял о перспективах научной работы на западе. Эта встреча настолько взволновала академика, что он сообщал о ней неоднократно — и старому другу И.И. Петрункевичу, и детям, а также оставил публикуемую ниже запись в дневнике, которая и представляет собой самый первый текст его впечатлений.

Впервые имя Владимира Костицына встречается в дневниках Вернадского за четыре месяца до этой записи — 18 мая 1923 г. В этот момент академик получил от РАН, а точнее благодаря своему старому другу, неременному секретарю РАН академику С.Ф. Ольденбургу, продление зарубежной командировки, и тем самым ее финансирования, до мая 1924 г. и поэтому чувствовал себя вполне устойчиво. Наряду с научной и лекционной работой Вернадский интенсивно обсуждал в Париже с ректором Сорбонны профессором Эмилем Борелем положение российской науки, изолированной в послевоенной Европе, и, в частности, перспективы организации русско-французского

¹ С.М.С. [Сорокина М.Ю.] «Не вижу в нем надобности для СССР...» // Природа. 2004. № 7. С. 78.

² См.: Костицын В.А. Воспоминания о Компьенском лагере (1941—1942) / Публ. и коммент. В.Л. Гениса. М., 2009.

научного центра. Профессор и рассказал Вернадскому, что в Париж «собираются приехать Лузин и Костицын из Москвы для организ<ации> связи русских и французов»¹. И далее в режиме диалога академик отметил в дневнике возникшие вопросы — свои и Бореля: «Ученый Костицын — коммунист? <Бывший>, но влиятельный. В общем, он был (и есть?) член Уч<еного> ком<итета>; делал, что мог. Во всяком случае, с ним можно было говорить и у него были большие коммунист<ические> связи. Б<орель> предлагал мне тот же вопрос, который я предлагал в Москве: есть ли у него научные работы?»². Другие записи о встрече Вернадского с Костицыным в мае 1923 г. нам пока неизвестны.

Их беседа состоялась, как следует из публикуемой ниже записи Вернадского, только через четыре месяца — около 28 сентября 1923 г. Интересно, что эта запись сохранилась в американской части архива академика и поэтому не вошла в состав опубликованных дневников ученого 1921—1925 гг. Еще интереснее, что другие дневники Вернадского за период с июля 1923 г. по май 1924 г. пока вообще не обнаружены, и публикуемая запись — единственное и поэтому бесценное свидетельство того, что дневники в это время по-прежнему велись академиком, и их следует искать в США.

Помимо этой записи, мы располагаем еще двумя свидетельствами о встрече Вернадского и Костицына в сентябре 1923 г. 7 октября академик писал о ней своей дочери Нине³: «Много думаю последнее время о русских делах и русском будущем. Видел двух молодых ученых, уехавших только что оттуда — одного скорее правого, другого (математика Костицына) — когда-то *persona grata* в советской среде, «старого» эмигранта, левого. Оба дают одну и ту же картину — давящего, тупого, беспросветного. Костицын говорит, что этот год будет очень тяжелым для высшей школы и для научной работы («1918»). <...> По-видимому, все это кончится крахом, но год перенести тяжело»⁴.

Если и в дневнике, и в письмах, рассказывая о беседе с приехавшим «оттуда» В.А. Костицыным, Вернадский сосредоточил свое внимание на судьбах друзей и знакомых в России и положении российской науки в целом, то его собеседник, также

¹ Вернадский В.И. Дневники: Март 1921 - август 1925 / Сост. В.П.Волков. М., 1998. С. 98.

² Там же.

³ В это время жила в Праге (Чехословакия).

⁴ Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture, Columbia University. G. Vernadsky Coll. B. 12.

коснувшийся этой встречи в своих более поздних по времени написания воспоминаниях, акцентировал внимание совсем на другом: «Я уговариваю Вернадского, — писал он, — вернуться в Россию; мы очень долго спорим, иногда оставляем этот вопрос и говорим о других вещах»¹.

Подвела ли В.А. Костицына память или, действительно, уже в сентябре 1923 г. советские власти подсылали к академику В.И. Вернадскому своих эмиссаров, уговаривая вернуться в СССР? Трудно дать однозначный ответ ввиду недостатка источников. В отличие от многих коллег, Вернадский не только сумел совершенно легально выехать в Европу в 1922 г., но и взял с собой всю семью, а также получил валютные средства на командировку от Наркомпроса РСФСР, курировавшего Академию наук и ее членов. Казалось бы, это свидетельствовало о полном доверии академику со стороны властных структур. Но не исключено, что несмотря на это, руководство Наркомпроса опасалось разрастания академического невозвращенческого канала и использовало всякую возможность для контроля за слишком самостоятельными академиками. Однако, как это нередко бывает, стремление контролировать всех и вся бумерангом вернулось обратно — в 1928 г. уже сам «инспектор» В.А. Костицын навсегда покинул СССР, не пожелав стать жертвой восходящего сталинизма.

Дневниковая запись В.И. Вернадского (автограф) хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета США в составе коллекции его сына, историка Г.В. Вернадского (George Vernadsky Coll., Box 15); публикуется впервые. Полностью сохранены авторские стилистические особенности, в том числе инверсии и недописанные выражения.

¹ «Говорить мне не с кем»: Из воспоминаний В.А. Костицына // Природа. 2001. № 5. С. 74

Из разговоров с Влад<имиром> Алекс<андровичем> Костицыным.

Математик из эмигрантов. «Левый». Имел известный авторитет у коммунистов. Шел на всякие уступки. Член Госуд<арственного> учен<ого> сов<ета>¹.

Большую роль играет в моск<овских> матем<атических> орг<анизациях>.

Недавно при утверждении устава Москов<ского> матем<атического> общ<ества>² получена бумага, что Общество утверждают, если будут исключены из него — Д.Ф. Егоров³ и В.А. Костицын (треб<ует> Ком<иссариат> вн<утренних> дел). После переговоров остались членами. После смерти Б.К. Млодзеевского⁴ был выбран председ<ателем> Д.Ф. Егоров — допущен.

Издан — благодаря О. Шмидту⁵ — первый сборник общества⁶; неизвестно, найдутся ли средства для другого.

Из Общ<ества> исп<ытателей> прир<оды>⁷ потребовали исключения В.С. Гулевича, М.И. Голенкина и М.М. Новикова⁸.

Закрывается самое старинное Общ<ество> люб<ителей> ист<ории> и древн<остей> всерос<сийских>¹. Мотив — ненаучность их работ. По словам М.Н. Покровского²,

¹ Орган Народного комиссариата по просвещению РСФСР, осуществлявший программную и кадровую политику в области образования, науки и культуры в 1919-1933 г.

² Основано в 1810 г., однако, реально стало заседать с 1864 г. В 1923 г. НКВД РСФСР проводил перерегистрацию всех общественных организаций, в результате которой были закрыты многие дореволюционные общества.

³ Егоров Дмитрий Федорович (1869-1931) - математик, член-корреспондент АН СССР (1924). В 1930 г. арестован, проходил по делу «Всесоюзной контрреволюционной организации „Истинно православная церковь“» (вместе с философом А.Ф. Лосевым). Скончался в больнице после голодовки, объявленной в тюрьме.

⁴ Млодзеевский Болеслав Корнельевич (1858-1923) - математик, заслуженный ординарный профессор Московского университета. Председатель Московского математического общества (с 1921). Скончался 18 января 1923 г.

⁵ Математик Отто Юльевич Шмидт (1891-1956) в 1921-1924 г. возглавлял Госиздат.

⁶ Имеется в виду подготовка возобновления издания «Математического сборника», прерванного в 1919 г. Очередной том «Сборника» вышел в 1924 г. Редколлегией журнала, членами которой были Д.Ф. Егоров и В.А. Костицын, было принято решение о публикации в нём статей не только на русском, но и на основных европейских языках — немецком, французском, итальянском и английском.

⁷ Московское общество испытателей природы (основано в 1805 г.) - одно из старейших натуралистических обществ России.

⁸ Гулевич Владимир Сергеевич (1867-1933) - биохимик, профессор Московского университета, академик АН СССР (1929); Голенкин Михаил Ильич (1864-1941) - ботаник, профессор Московского университета, директор Ботанического сада университета; Новиков Михаил Михайлович (1876-1965) - зоолог, профессор и последний выборный ректор Московского университета, в эмиграции с 1921 г.

сделано это помимо него — действительно анекдотично — но по существу отвечает принципам партии. Общество затхлое.

Закрыто самое живое Общество мироведения³: ненужность при существовании других обществ. Члены должны быть распределены по разным другим.

Появляются — и имеют шансы — опять даже проекты соединения в одном центре всех одинак<овых> научных учреждений, напр<имер>, метеор<ологической> обсерватории Михельсона и Кучинской⁴.

Деятельность Стеклова и Ферсмана в Комитете науки⁵ вызывает большое недовольство — все лишь для Академии. Были столкновения из-за загранич<ных> книг, присланных в Моск<овское> упр<авление> науки⁶ и перехваченных Ком<итетом> науки для Академии.

Начинается чистка профессоров. Понижается уровень студентов и требований. Висят объявления о доносах на профессоров: обещается пайка.

Среди рабфаков — не встречались талантливые.

Университеты превращаются в прикладные учебные заведения.

Шпионаж и сыск среди слушателей. Научные работники из старых.

Этот год — 1923 год — в высшей школе и науч<ной> раб<оте> будет очень тяжел — но кончится Каноссой⁷.

Идейный руководитель движения — Апфельбаум Зиновьев¹.

¹ Точное название - Общество истории и древностей российских при Московском университете, первое научное историческое общество в России. Основано в 1804 г., официально закрыто в 1929 г. В 1923 г. проводилась перерегистрация Общества.

² Историк Михаил Николаевич Покровский (1868-1932) был заместителем наркома по просвещению РСФСР.

³ Точное название – Русское общество любителей мироведения; основано в 1909 г. Председатель – известный народоволец Н.М. Морозов. В 1923 г. закрыто не было, это произошло в 1932 г.

⁴ Метеорологический пункт наблюдений при Петровской сельскохозяйственной академии с 1879 г. проводил непрерывные наблюдения за погодой в Москве. Впоследствии – обсерватория, который было присвоено имя профессора Владимира Александровича Михельсона (1860-1927), возглавлявшего ее в 1894-1927 г. Кучинская астрономическая обсерватория, основанная в 1925 г., первоначально была наблюдательной станцией Государственного астрофизического института.

⁵ Вице-президент АН СССР математик Владимир Андреевич Стеклов (1863/64-1926) и академик Александр Евгеньевич Ферсман (1883-1945) были членами Особого Временного комитета науки при Совнаркоме СССР.

⁶ Имеется в виду Главнаука - Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомата просвещения РСФСР.

⁷ Замок Каносса (Canossa) в Северной Италии стал знаменит в начале XI века, после того, как низложенный германский император Генрих IV вымаливал здесь прощение у папы Григория VII. По преданию, в одежде кающегося грешника Генрих три дня простоял у стен замка, добываясь приёма папой. С тех пор выражение «путь в Каноссу» толковалось как метафора унижительной капитуляции и покорности победителю.

Влад. Алекс. Федоров, препод<аватель> Политехн<ического института> СПб.

Положение <высшей> школы невыносимое. Студенты следят друг за другом. Ябедничество и доносы даже на сдаче работ; преподаватели доносят на товарищей.

Рабфаки вначале занимались — затем не дает возможности — коммунист<ическим> клуб<ом>, где идет их натаскивание.

По-видимому, беспросветное невежество. Изменяются профессора. М.А. Шателен² теперь поклонник Ленина. В реформе высшей техн<ической> школы — Шмидт. Профессор Пет<ров>³.

Проект не был принят на заседании профессоров, но было донесено (предс<едатель> Шателен), что принят единогласно.

Шателен — в электрификацию.

Курс научный недоступен рабфакам и инженеров избыток. Уничтожается специализация и деление горизонтальное: должны знать все. Фельдшеризм царит. И Шателен, и Пет<ров> — указывают принцип: демократия <должна> прислушиваться к тому, что говорит улица.

Кареев и Гревс⁴ исключены: запрещена педагогическая деятельность. Впредь до выяснения пенсии жалование профессора.

¹ Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фам. Радомысльский, фамилия матери — Апфельбаум; 1883-1936) – член Политбюро ВКП(б), председатель Исполкома Коминтерна и Петроградского совета.

² Шателен Михаил Андреевич (1866—1957) - специалист по электротехнике, профессор Политехнического института в Петрограде. Один из авторов плана ГОЭЛРО (1920). Член-корреспондент АН СССР (1931). Его сводным братом был последний российский поверенный в делах в США, профессор гидравлики Борис Александрович Бахметев (1880—1951); родная сестра Шателена — Ольга Андреевна Герсегонова также жила в эмиграции в США.

³ Петров Федор Николаевич (1876—1973) — начальник Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомата просвещения РСФСР (1923-1927).

⁴ Кареев Николай Иванович (1850—1931), Гревс Иван Михайлович (1860—1941) – историки, профессора Петроградского университета.